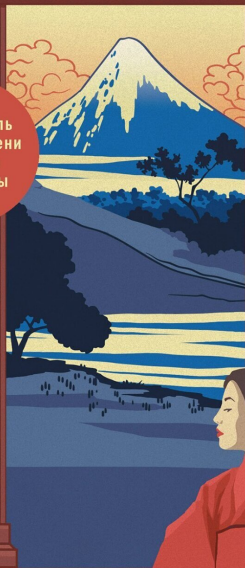

INSPIRIA

ТИСАКО ВАКАТАКЭ

Победитель
премии имени
Рюносукэ
Акутагавы

ОДНА ЗАЖИВУ,
САМА С СОБОЙ

«Философская и очень личная притча о возрасте
и ощущении себя на стыке культур и времен».

Наталья Ломыкина, литературный обозреватель Forbes

INSPIRIA

Тисако Вакатакэ

Одна заживу, сама с собой

Серия «Loft. Восточная коллекция»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64860626

Тисако Вакатакэ. Одна заживу, сама с собой: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-115971-9

Аннотация

«Одна заживу, сама с собой» – роман, с которым в свои 63 года дебютировала японская писательница Тисако Вакатакэ, и сразу же ему удалось стать победителем премии имени Рюноскэ Акутагавы, самой престижной литературной награды Японии.

Эта книга написана от лица немолодой вдовы, которая беспрестанно размышляет о своей жизни, вспоминая прошлое и думая о будущем. Но самое интересное, что в ее голове роится хор голосов: юных, зрелых, пожилых, – и каждый из этих голосов принадлежит ей самой, т. к. все это – разные составляющие ее как личности.

Это очень необычный, но очень трогательный роман-размышление о жизни, одиночестве, потере, семье и о том, как по кусочкам формируется в сознании наша идентичность.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

37

Тисако Вакатакэ

Одна заживу, сама с собой

Chisako Wakatake

Ora Ora de Hitori Igumo

Copyright © Chisako Wakatake 2017. All rights reserved.

Originally published in Japan by KAWADE SHOBO SHINSHA Ltd. Publishers

Russian translation rights arranged with KAWADE SHOBO SHINSHA Ltd. Publishers through Japan UNI Agency, Inc., Tokyo

© Забережная О., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

У восточных книг какое-то свое очарование. Успеваешь прочувствовать масштаб этого мира, даже когда это история маленького человека. О необъятности, неумолимости времени и корнях, которые помогают нам оставаться самим собой, – вот о чем эта книга.

Дарья Захарченко, редактор отдела современной зарубежной прозы

«Одна заживу, сама с собой»¹

¹ Название («Ора ора дэ хитори игумо») – фраза на диалекте Тохоку и одна из строк стихотворения поэта Миядзава Кэндзи «Утро последнего прощания».

Варианты:

Пусть одна я буду жить...

Я одна пойду, сама с собой

Заживу одна, сама с собой

1

Ох, видать, нынче с головой моей неладно, как же нам быть-то, как же я одна-то теперь?

Так ли, эдак ли, да уж ничего не поделаешь.

Коли рукой махнуть, да и все тут, чаво ж ты так к сердцу-то?

Ничаво. Я сразу за тобой пойду, мы ж с тобой до конца – неразлейвода.

Оханьки мои, да кто ж ты таков?

Да уж и так ясно. Коли я, то ты. Коли ты, то я.

Говор Тохоку, неприкрытый, обнаженный, лился из недр ее тела, как будто прорвал дамбу и теперь вырвался наружу. Момоко-сан слушала этот голос и пила чай. Хлюп-хлюп. Хлюп-хлюп.

Где-то позади лившегося прямо в ее мозг голоса слышался другой, смутный шум. Шур-шур, шур-шур...

В тишине ее комнаты такое шуршание – приметный звук, неожиданно громкий. Громче, чем можно подумать.

Шуршание доносилось откуда-то из-за спины Момо-

ко-сан, из-за спинки стула, прямо с места между холодильником и полками с посудой. Как будто кто-то играет магазинными полиэтиленовыми пакетами. Неприятный звук. Прямо уши режет.

Шур-шур, шур-шур...

При этом у Момоко-сан нет ни малейшего желания куда-то встать – она просто пьет чай, подстраиваясь под ритм этого шуршания. Хлюп-хлюп...

Происхождение этих звуков она и так знает, можно не оборачиваться.

М-Ы-Ш-И.

Прошлой осенью, когда умер старый пес, проживший вместе с ней шестнадцать лет, под крышей, да и под половицами закипела бурная жизнь. Мыши захватили обе горизонтальные поверхности дома, а вот сегодня, например, пришли вот так – прямо среди бела дня.

Они, конечно, осторожничают, наверное, опасаются Момоко-сан, которая все-таки первая здесь поселилась, но вообще производят, похоже, совершенно уверены в своем праве производить различные шумы.

Мыши приходили и уходили через дыру в полу, которая была в углу комнаты, что-то грызли, скреблись. У Момоко-сан не хватало смелости посмотреть на них, но к звукам она привыкла и воспринимала спокойно. Да и вообще, в доме, где, кроме Момоко-сан, нет совершенно никого, ценны любые звуки. Сначала они сильно ей мешали, но сейчас сто-

ило вообразить, что комната без этих звуков погрузится в пугающую мертвую тишину, ей становилось страшно.

Слегка поворачивая чашечку для зеленого чая, она отпила глоток, потом, крепко ухватив чашку пальцами и ощущая ее уютную согревающую силу, отпила еще глоток, наконец, по инерции отпила третий. Вот так она пьет чай. Почему-то смотрит на свои руки. Да, изношенные руки. Она помнит, как в детстве гладила тыльную сторону бабушкиной ладони, терла, тянула и даже ущипнула ее однажды. Толстая кожа, словно приклеенная на костлявую руку с проступавшими венами, удивительным образом растянулась.

Бабушка сказала, что это не больно, да это и не больно, действительно... Теперь эти руки лежат перед ней. Не думала, что этот день настанет.

Голос лился в потолок, ничего не задевая. Она обвела взглядом неизменную старую комнату.

Комната вся – застарело-желтоватая, будто окрашенная луковой шелухой. Раздвижные бумажные двери *сёдзи* выходят на южную сторону, перед ними от стены к стене натянута веревка. На веревке висело летнее платье с короткими рукавами, рядом с ним – зимняя куртка, одежда из химчистки, так и оставшаяся в полиэтиленовом чехле, банные полотенца, юбка с неаккуратно погнутой молнией (может быть, ее только что надевали), рядом висели в ряд четыре сушеные хурмы, напротив – половина перевязанного бечевкой засоленного лосося, который, потеряв равновесие, качался из

стороны в сторону, хотя никакого ветра не было. Просветы, возникавшие из-за колебаний лосося, были словно прошиты блеклыми мартовскими лучами солнца.

На западной стороне – шкаф со стариковской одеждой, посудные полки (разбитая дверца была починена паутинкой из скотча), на холодильнике явно пытались удалить наклейку, прилепленную ребенком, но сдались на середине. На восточной стороне – раскладушка, глубокий эркер, в нем – телевизор, на который, как нить на шпульку, намотан провод, рядом – мешок мандаринов, недопитая бутылка, канцелярские принадлежности, торчащие из пустой банки ножницы, разные виды клея, и в довершение всего – большое настольное зеркало.

На полу, местами вытертом, навалены кучи старых книг и мелочей. У северной стены комнаты – раковина, рядом громоздятся кастрюли и сковородки, а стол на четверых, у которого устроилась Момоко-сан, завален всякой всячиной, за исключением кусочка, который она протерла наскоро рукавом, будто отвоевав место, чтобы уместить котелок, заварочный чайник, чашку и печенье к чаю. Оставшиеся три стула тоже полностью использовались как склад вещей.

В комнате царил жуткий бардак, но тем не менее то ли это был островок порядка посреди беспорядка, то ли результат лучше, чем название, – но устроена она была так практично, что удовлетворяла всем потребностям: в крыше над головой, в еде и одежде. Возможно, так удобнее жить – и такое впе-

чатление могла произвести эта комната. Ну, это уж от человека зависит...

Конечно, в доме была не только эта комната. Рядом имелась гостиная и другие достойные помещения, но с давних времен все они использовались под склад, и жить можно было только в спальне на втором этаже и в этой комнате. Иногда ей не хотелось даже подниматься на второй этаж в спальню, и она в поношенных штанах, вытянутых на коленках, кричала: «Что ночная пижама, что утренняя – все одно!» и устраивалась на раскладушке.

Тем временем Момоко-сан по-прежнему потягивает чай. За ее спиной по-прежнему слышится знакомое шуршание.

Хлюп, шур-шур. Шур-шур.

Хлюп, шур, хлюп, шур, хлюп-шур, хлюп-шур.

Вдобавок к этому в голове раздается:

Коляютоты, колитытоя, коляютоты, колитытоя, коляютоты...

Ничем не стесненные, эти то ли звуки, то ли голоса лились изнутри ее и приходили извне, сталкивались на низких частотах, накладывались друг на друга, создавая настоящую джазовую импровизацию. Правда, не то что бы Момоко-сан разбирается в джазе. У нее нет никаких знаний о музыке в целом. Но все же она чувствует себя перед джазом в каком-то особенном долгу. Когда Момоко-сан испытала горе, пусть это и было такое горе, что часто встречается в этом мире, для нее оно стало огромнейшим потрясением, как будто

мир перевернулся вверх ногами, – и в тот момент, когда она дрожала, задавленная своим несчастьем, по радио передавали джаз. Она уже тогда не воспринимала музыку со словами. Классика же только усиливала печаль. И тут она услышала джаз. Она не знала, что это за композиция и чья она, но почувствовала, будто ее голову, уже готовую разорваться от горя, резко ударили изнутри.

Окружавшая ее печаль улетучилась.

У нее как-то сами собой задвигались руки, ноги застучали по полу, она стала крутить бедрами – и не успела опомниться, как уже танцевала словно сумасшедшая. Это был вольный танец, только для себя, такой танец, когда движения становятся единым целым с джазовым ритмом. Это было здорово. Тогда стоял дождливый день, шли оползни, и в полутемной комнате только прямые солнечные лучи попадали в щель между закрытыми противостормовыми ставнями и преодолевали раздвижные двери. Момоко-сан не забыла, как двигалась тогда, с таким неистовством, что ей стало жарко и тяжело дышать, и как, стянув одну за другой все одежды, она, совершенно голая, танцевала перед новеньким буддийским алтарем...

На родине Момоко-сан не говорят «меня вырвало». Говорят «меня вывернуло».

«Вывало» звучит слабовато. А во втором слове разве не прячутся сила и воля?

Момоко-сан, пусть и на краткое мгновение, отринула свое

горе. Буквально «вывернула» его из себя. Она была благодарна джазу за это. Но в то время она стеснялась перед людьми. Пыталась казаться меньше. Сейчас Момоко-сан ругает себя за проявленное тогда малодушие. Надо было включить радио погромче, растворить ставни настежь и, выставив свое тело на свет божий, плясать от души!

Так али не так?

Сейчас, даже если внутри и снаружи у нее будет джаз, она уже не сможет так двигаться. Да что говорить, сейчас у нее на левой руке дрожит кончик указательного пальца, придерживающий чашечку с чаем. Не хочется думать, что годы так дают знать о себе.

И вообще, сейчас главный предмет, занимающий ее мысли, не джаз. Что же это?

В голове все как-то смутно. Ей кажется, что она должна о чем-то подумать, но не может вспомнить о чем. Что ж...

Момоко-сан и сама это замечала. Что мысли прыгают. Нить теряется, и обрывки мыслей оказываются то тут, то там, бегают туда-сюда, их и не ухватить.

Стареешь, мать? Да нет. Нехорошо сваливать все, что с тобой происходит, на возраст.

Ну, тогда все из-за этого... из-за долгой жизни домохозяйкой.

Это еще что значит? Почему однообразная, рутинная жизнь домохозяйки должна стать причиной ее прыгающих мыслей?

Постепенно у Момоко-сан в голове формировались разные дискуссионные площадки: один голос спросит, другой ответит. Пол и возраст этих различных голосов неизвестны, вдобавок они говорят на разных языках. Она стала мало двигаться, и... нет, именно из-за того, что она стала мало двигаться, в последнее время голоса в ее голове обрели свободу, чтобы возместить недостаток движения.

«Работа домохозяйки разнообразна и к тому же разделена на множество мелких забот. Ты делаешь одно, а надо одновременно делать что-то другое», – так говорил ей монотонный голос, а другой, раздраженный, противный, говорил так: «Ну а вот, например... Это же совсем другое, чем Ёсаку², который день-деньской деревья рубит!»

А тут и третий голос:

«Да пошто ты древний такой пример приводишь!»

«Ну да, а баба его за прялкой сидит, так?»

«Так, да не так! Ты ж не думаешь, что она пряла в то же время, что он рубил! Ты себе представь: она плачущему дитяте титьку даст, а сама и думает, что надо и измаранные простыни свекрови поменять, и что бы энтакое на ужин состряпать. Ежели от тебя хотят, чтоб ты и то, и это успевала, как тут мыслям не скакать?»

«Точно-точно! Мне так и думалось».

Ну, конечно. Обрывки разбежавшихся мыслей очень

² «Ёсаку» – японская композиция в жанре *каёкёку* (популярная музыка) 1978 г., где Ёсаку рубит деревья, а жена прядет. Исполнялась Сабуро Китадзима.

сложно собрать воедино, но в моем возрасте есть самый лучший и самый последний шанс все упорядочить и обдумать. Сколько мне еще осталось? Сколько я еще протяну, поддерживая такое состояние? Вот так, значит. Нужно начать обратный отсчет и все обдумать.

«Прально, точно».

«И правда...»

«Да нет, все не так!»

Голоса смешались.

«Вот о чем хочу я подумать, так это о нашем северном диалекте, который нас переполняет!» – выразительно сказал один громкий голос.

Момоко-сан относилась к этому голосу с глубоким доверием, и это тоже сыграло свою роль: она вдруг заметила, что в то время как беседа между ее голосами скользит от одной темы к другой, самая острая проблема для них теперь – диалект Тохоку.

И снова Момоко-сан размышляет. Почему же теперь, после стольких лет, вдруг проявился ее северный говор? Она считала, что, как уехала из родных мест в двадцать четыре года, так следующие пятьдесят лет все ее бытовые разговоры, так же как размышления, велись на стандартном языке. А теперь мысли переполняет настоящий неприкрытый говор Тохоку. Или лучше сказать так: она в какой-то момент начала думать на этом диалекте. От приземленных, близких мыслей («Что ж на вечер-то состряпать?») до далеких, абстракт-

ных («Да кто ж мы, люди, все такие?») – к ее удивлению, все было на диалекте. Или лучше сказать об этом так: кто-то там этакий внутри меня засел и речи мне говорит. На говоре моем родном. Да и не один он там, и не двое – много их. Во время разговора всех этих людей мысли и приходят. Не знаю, мои ли мысли-то али нет. Ясно, разговор у меня внутри идет, я и говорю, и слушаю, но кажется мне, что я – кожа. Просто кожа, и все тут. Кто же эти люди, что сидят во мне – оболочке? Я им даже говорю: «Эй, вы, вы кто такие-то? Вы как в моих мыслях живете?» Точно. Это как ворсинки выпячиваются в тонком кишечнике. Ну, так и есть! Мое сердце изнутри густо поросло бесчисленными ворсинками. Обычно они мягко покачиваются, а когда говорят что-то мне – как вырастают! Меня это, конечно, уж больно смущает, но чтобы было противно – нет. Нет такого. Ну и ладно. Это ж мое сердце будто заполонило само себя.

Момоко-сан, думая совсем о другом, захихикала, бросила взгляд через плечо: ей послышалось то самое «шур-шур». И тогда Момоко-сан сразу же забывает все, что она думала до тех пор. Ее мысли долго не задерживаются в голове. Как петух, который проходит два-три шага и поворачивает в другую сторону, мысли резко меняют направление. Их никто не останавливает, и они перетекают одна в другую. Вот и сейчас Момоко-сан уже думает о своих, можно сказать, дружественных отношениях с мышами.

«А помнишь, тогда-то было не так!»

«Когда – тогда?»

«Ну как. Тогда их была тьма-тьмущая!» – говорит ей ехидный голос внутри.

На самом деле Момоко-сан в былые времена не то что на мышей, а даже на тараканов, многоножек и прочих мелких тварей реагировала душераздирающим воплем, который не мог оставить ее мужа равнодушным. Позвав на помощь, она занимала позицию в тылу и зачарованно смотрела, как молниеносно прибежавший муж сражается с насекомым, а потом через щелку между пальцами решалась взглянуть и на самого врага. Возбужденный сражением мужчина, увидев ее страх, специально подносил останки побежденного прямо к ней. Женщина спасалась бегством. Мужчина, еще больше распалившись, бежал следом, болтая насекомым из стороны в сторону, как маятник. «Хватит, прекрати!» – вопила она.

Да, и такие времена были в жизни Момоко-сан...

Но прошло время, человек, который звался мужем, ушел, сколько ни кричи, не поможет. В таком случае Момоко-сан, смахнув слезы, сама сворачивала газету в трубочку, а если не успевала, то брала тапочку за пятку, изо всех сил наносила удар и, если попадала, издавала оглушительный радостный вопль, убеждалась, что у нее «непременно есть животный инстинкт, да-да!» и радовалась переполнявшему ее вскипающему восторгу. А теперь что?

«Теперь у тебя ноет больше этого, не бывает такого, и все, и это не только из-за шуршания мышей, что ж у меня в ду-

ше-то стряслось? – спрашивает кто-то, и тут же тема меняется: – Так отчего же нынче ты на говор перешла?»

«Что для тебя этот говор, а?» – спрашивает другой голос.

И тогда тихо, иначе говоря, как спокойная пожилая женщина, появляются ворсинки, и вкрадчиво, успокаивающе начинают: «Диалект Тохоку... – А потом неожиданно легко продолжают: – Диалект Тохоку – это самый древний слой меня, первоизданная я. А может быть, это как трубочка, через которую вытягивают этот самый древний слой меня».

Человеческое сердце просто так не разберешь. В человеческом сердце несколько слоев. Есть слой, в котором я родилась и смотрю на мир глазами младенца, потом слой, нужный для моей дальнейшей жизни, и все такое, есть еще очень толстый слой – там накопилось все то, чему меня научили или заставили научиться, там знания о том и о сем, что, мол, нужно делать так, без этого не поймешь, разные знания о мире, то, что я выбрала сама, и то, что мне показали и заставили выбрать, – в общем, человеческое сердце – это, видать, как оболочки Земли. Я прямо сердцем чувую, что ничто в этом мире не бывает одно такое в своем роде. Непременно должно быть что-то по подобию сделано. Вот и мы с Землей образуем грандиозные подобные фигуры. Диалект Тохоку – это самая древняя оболочка меня, это нетронутая тайная область, он витает во мне, как образ первоизданного пейзажа. Там глубоко, и нельзя достать – да нет, можно. Если я закричу себе: «Эй!», то этот плавающий образ выкристаллизуется

в слова, и душа нетронутой тайной области снова возродится. Как будто я крикнула: «Я!» – и появилась статная, наряженная, солидная я. Но ведь субъект определяет предикат. Выбрал субъект – сразу же, что предикат, что мысли – все появляется в этом слое бок о бок. Так что пока есть диалект, я вся как бы на поверхности, хоть это и жутковато. Что, не так?

Голос откуда-то со стороны: «Это еще что?»

Это твой Сюдзо, вернее, наш Сюдзо, он часто говорил, что ты все время простые вещи нарочно сложно поворачиваешь. Думаешь ты слишком много. Говор Тохоку – это просто-напросто ты по дому соскучилась, я тебе говорю! Многие ссылаются на это, и в конце концов я вполне соглашаюсь, что появление диалекта – это просто ностальгия, тоска по былому.

Но нет, согласившись, она стала опять думать: разве все так просто? Разве можно сводить наши отношения с говором Тохоку к таким обыденным вещам? И тогда вся компания обращается к прошлому.

Момоко-сан стала беспокоиться из-за говора в первом классе на переключке, когда нужно было называть себя местоимением первого лица. Сначала она, как и все, использовала «ора»³. Все говорили «ора», независимо от пола. Но ко-

³ Ора – местоимение первого лица, используется в просторечии и в некоторых диалектах, в частности в северных. Главная героиня на протяжении всего произведения использует «ора». Местоимения первого лица в стандартном языке – «ватаси» и «боку».

гда она узнала из учебника о местоимениях «боку» и «ватаси», то подумала: вот это да! «Ора» стало казаться ей деревенщиной, каким-то некрасивым, грубым словом.

Значит, мне «ватаси» говорить? Да не все так просто-то, выходит. Как испытала это слово на деле, стало прямо тошно, будто кость поперек горла встала, будто я – не я уже, а бог весть что о себе возомнила. Кость-то в горле – съешь что-то, и выскочит, а слово, что в сердце застряло, на веки вечные томить будет. Ох, тяжело, мочи нет.

Это было прямо как *фуми-э*⁴. Ее как будто испытывали. Она преклоняется перед столицей и хочет говорить «ватаси». Но когда она попыталась начать так говорить, от самых лодыжек кверху поползло неприятное ощущение: я ж предательница, я же топчу все, что у меня тут в родном городе: ветер, что дует, воздух, цветы и деревья вокруг, людей и все наши с ними дела... Этак не будет мне покоя, коли колебаться, коли не знать, как саму себя-то, то есть главного человека, назвать, что будет-то со мною? Я ж стану незнамо кем, у меня ж сердце будет болтаться куда захочет: туда-сюда, что ж я за человек-то буду...

Вот такой страх поселился в детском сердце Момоко-сан. И вот с тех пор не могу я быть честной по отношению к диалекту своему. Люблю его, а не могу признаться в этом,

⁴ Фуми-э – изображения Иисуса Христа и Девы Марии, использовавшиеся властями Японии в XVII веке для выявления тайных христиан. Подозреваемому предлагалось наступить на такое изображение, чтобы доказать, что он не является христианином.

как же тут не взбелениться-то? Ненавижу, а не могу сказать, что, мол, не терплю его, это ж как можно вынести такое?

«Но если будешь думать об этом вот так и одно за другим обдумывать, ты ж говорить ни с кем никогда не сможешь! Так что давай, захлопни крышку со всей силы и садись на нее, прижми», – сказал кто-то внутри ее. И тут началось со всех сторон:

«Да ладно тебе! Разве нельзя?! Уж больше полувека живешь, и уж скоро и та, с клюкой, явится, так что эти твои шалости само собой пройдут!» – говорили беззаботно некоторые. Другие сердились: «Что ж плохого говорить на чистом диалекте-то?»

«А что, и правда!» – думаю я, а самой весело сделалось. Все эти голоса в голове слушать – будто с бабами у колодца стоять, прямо как в старину, любопытно!

«Диалект тебе такой настрой создает: ты вроде одна-одинешенька, а вроде и нет, или вроде как можно и одной, коли в такой компании», – говорит один.

«А что, если... это все механизм защиты, который придумал мозг, чтобы скрасить скуку старости?» – говорит другой, тот, что любит все обобщать.

А тут еще один, громко, как будто желая всех их разогнать: «Да это все – нормальное явление, слышите вы?»

У меня вот в голове столько народу... Никак это ранний признак слабоумия? Постепенно в ее сознании сотрется грань между реальностью и вымыслом, и все эти из ее голо-

вы выйдут, встанут перед ней и будут как ни в чем не бывало судачить между собой, мол, вот так-то и эдак-то, вот стыдоба-то будет! Ой, как стыдно! Ежели у меня с головой неладно станет, как же я одна-то буду? Ох беда, что же делать-то?

Та Момоко-сан, когда ворсинки собираются в пучок, или, иначе говоря, та Момоко-сан, когда ворсинки соединяются прямо с ее телом, или, если сказать словами самой Момоко-сан, та Момоко-сан, которая всего лишь шкура – ох, сложно что-то получилось, – грубо говоря, Момоко-сан в своем изначальном теле повела глазами и направила взгляд вдаль.

Ну, правда, как же быть?..

В это время внутри Момоко-сан появляется женщина – она пересекает ее сердце слева направо. Это довольно пожилая женщина, волосы завязаны сзади, воротничок плотно застегнут, на шее платок. Женщина, резко обернувшись, сердито уставилась на Момоко-сан и стала говорить: «Веки мои подняты? Правда ли подняты веки?»

«Ой, ба, ты что это сейчас-то вдруг...» – заговорила с ней Момоко-сан.

Но та, не отвечая, продолжает: «Веки мои подняты? Правда ли подняты веки?»

«Да подняты, подняты, я же говорю!» – как в детстве, сказала резко Момоко-сан, и тогда, сделав паузу, женщина сказала: «Вот как», вздохнула и исчезла.

Ну вот, опять бабуля явилась.

И писать, и пользоваться палочками для еды – почти всему она научилась у бабушки. Бабушку она очень любила. Она всегда шила кимоно. Она не уступала настоящему мастеру по пошиву традиционного платья, и ей поступали заказы исключительно на дорогие кимоно из ближайших магазинов. И еще бабушка делала такие мешочки из лоскутков, каких ни у кого вокруг не было... Ой, а где ж эти мешочки?

«Ты что, от них уж и тени не осталось, это ж семьдесят лет назад было», – останавливает один из голосов Момоко-сан, которая изготавилась встать.

«Как? Да неужели столько времени прошло?» – слышится один удивленный голос.

«Да, точно столько», – заверяет его хор остальных.

«Вот оно как?»

«Неужели?» – говорит один голос, потом еще голос...

В голове поднялся переполох. Пробиваясь в просветы между голосами, Момоко-сан говорила:

«Ба, как жалко тебя. Ты не могла поверить, что перестала видеть из-за катаракты. Ты широко раскрывала глаза, показывала свои белесые зрачки и спрашивала одно и то же, вот я тебе и нагрубилa... Я была маленькая и ничего не понимала, но как же тебе было страшно, наверное, когда ты стала беспомощной... А теперича все то же самое. Что со мной станется-то? Не у меня... то есть не только у меня на сердце-то тревожно. То же самое. Все повторяется. Мы с бабулей через интервал в семьдесят лет, значит, попутчицы».

Так что говорю я вам, не одна я такая. Как-нибудь да образуется. Момоко-сан повторила свои слова. Она опускала руки, пускала все на самотек, но, будто подоткнув простыню, отмечала границы этого самотека: пусть все будет только так, как будет, но не более того. Чтобы больше не бушевать.

«А как же то, что ты перестала размахивать тапочками?» – слышится голос откуда-то еще.

Это бравые ворсинки говорят, чувствуют себя молодыми.

В ответ на это вылез старческий голос и говорит то, что должен: «Ну что. Мне ясно сказано. Жить-то оно на самом деле грустно. Раньше-то я думала, что надо постараться и как-то образуется, новый путь появится. У нас на этом-то доверии и жизнь вся построена была. Пусть сейчас и темень, надо стерпеть, надо верить в будущее, но с тех пор, как случилось *то...*»

«С тех пор – это с каких пор?»

«Да с тех самых, как *то*стряслось, чево боле всего я страшилась, то самое... Я тогда накрепко уяснила: в мире нашем есть такое, когда ничево не поделать, перед таким очутился – хоть как старайся, хоть как тужься – не пройдет. Как уяснила я это, тошно мне стало: вить вся жизнь эта моя не про то была: все я возилась, чтоб победить кого или для себя что выгадать... Открылось мне бессилие человеческое, что в мире нашем есть стена отчаяния. Но как признала это, то чую: наоборот, легко стало, сталбыть, надо думать, как с собой до этой стены справляться. А уж после *того* я совсем

другим человеком стала.

Да, до *того* и после того я как не я, совсем другая стала. Я сильная стала, вот что. Я теперь та, кто выстоял в больших жизненных волнах. Хоть две, хоть три волны, а мне не боязно. Надобно молиться и ждать.

«Ты что говоришь-то этакое, а?» – отступает молодежь с вопросительным взглядом.

А старческий голос говорит проникновенно: «Так и люди, и мыши, и тараканы – между ними большой разницы нету: все делают то и это, все ждут чего-то без особой надежды, это все одна компания, я поняла, что мы – одно и то же».

«Что это ты все о своем да о своем, ты попроще говори, не усложняй!» – раздался голос откуда-то рядом, и старуха, схватившись за голову, отступила.

«Уф...» Это Момоко-сан в своей внешней оболочке, Момоко-сан, которая так часто заглядывала внутрь своей головы, с каким-то неопишуемым выражением на лице засмеялась.

Вдруг слабый свет, лившийся через щель между сушеной хурмой и полотенцами, померк, и все вокруг стало окрашиваться в тусклые сумеречные оттенки. В это время Момоко-сан погружается в привычное ей, но все равно жутковатое одиночество.

Она неспешно допила остывший чай.

«И снова вечер, и я вспоминаю... – пробурчала она. – Наверное, никто не понимает слов этой песни лучше меня», –

повторила она в тысячный раз.

И в это время сзади слышалось то ли «у», то ли «э». Этот звук явно отличался от того неорганического трения пластика о пластик, который она слышала до этого; это был какой-то человеческий и даже не звук, а голос.

Удивленная Момоко-сан тогда впервые захотела увидеть виновника звука своими глазами. Она взяла кусочки соленого печенья, уже изрядно пропитавшегося влагой за два дня, что она к нему не притрагивалась – было больно, когда оно застревало в зубах, – и швырнула через плечо, не оглядываясь.

Отсыревшее печенье с отсыревшим звуком ударилось о пол. Через мгновение тишины она рассчитала подходящий момент, отмерила в уме раз-два-три и обернулась. Вот она! Или мне кажется, что это она. Ей показалось, что вся она – серая с голубым отливом спинка, живот, тонкий хвост – промелькнула перед ней.

Но все-таки положение тела со склоненной вбок головой сильно сковывало и мешало все хорошо рассмотреть; она решила сесть поудобнее и посмотреть еще раз. Ведь у нее в голове столько людей. Ей показалось вдруг, что она может все что угодно, даже поговорить с мышами. Вообразив такое, она ухватилась за этот шанс, стала шлепать себя по бедрам, пытаясь от этого импульса подняться. Должно было слышаться приятное «пам», но раздался какой-то отсыревший звук. Когда кусочки печенья валяются на полу, конеч-

но, мышцы не будут ждать. Некоторое время Момоко-сан стояла в оцепенении, а затем посмеялась своим детским фантазиям. Со мной хочет сблизиться только подкрадывающаяся старость, эх, одна я подожду, одна одиноко подожду – эти слова, бесконечно повторяясь, переполнили ее голову. И тут же: «ора, ора, ора...». Отвела глаза, а там это:

«Ты останавливаешь свой мыслительный процесс и бежишь к этим заезженным словам! Что за «подкрадывающаяся старость», что за «одна одиноко»? Ты взаправду так думаешь? Это ты сама придумала?» – Это появился отряд обзленных ворсинок и пошел бушевать.

«Что ж такое это, надоели!» – отпирается настоящая Момоко-сан, а вместе с ней и консервативные ворсинки.

Сомневайся в очевидном, не подпадай под влияние общего знания, не ищи легких путей! Да и зачем он вообще, этот говор? Чтобы попасть прямо к сердцу моему. Все, чаша переполнилась. Не выдержав, Момоко-сан насильно прервала свои мысли.

Докембрийский, палеозой: кембрий, ордовик, силур, девон, карбон, пермь, далее мезозой: триас, юра, мел, кайнозой: палеоген, неоген, четвертичный, докембрийский, палеозой.

Момоко-сан, задержав дыхание, совершенно без выражения повторяла эти слова.

Когда ей становилось совсем неудобно со своими мыслями и она чувствовала, что больше не может, то, видимо, чтобы

наверняка подавить эмоции, она начинала бормотать это как заклинание, которое изменит то, что представало перед ней.

Она сделала вид, что не слышала невежливых речей ворсинок, и стала с торжествующим видом ходить по комнате. Момоко-сан, по правде говоря, очень любила читать о четырех с половиной миллиардах лет истории Земли. Она смотрела документальные фильмы и передачи на эту тему, увлеклась ими, конспектировала на обратной стороне календаря, потом шла в библиотеку, собирала там информацию и записывала то, что поняла, переписывала начисто в толстые тетради. Заклинания были побочным эффектом того времени. Так же как в детстве, она прыгала от радости, когда записывала что-то в блокнот, сейчас, уже став бабушкой, она любила себя, когда что-то конспектировала.

Поэтому Момоко-сан хорошо знает и то, что современная эпоха – это лишь часть продолжающегося ледникового периода, начавшегося два с половиной миллиона лет назад, и то, что десять тысяч лет назад начался относительно теплый межледниковый период. Конечно, она понимает это только на словах и не может вообразить конкретные обстоятельства того, как это происходит. Поэтому межледниковый период представлялся ей чем-то вроде весны у нее на родине, когда зацветают по порядку слива, персик, сакура, одуванчик и можно свободно расправить плечи, затекшие от постоянного холода.

Но это еще куда ни шло; удивительно то, как в перепол-

ненном поезде, стесненная пассажирами слева и справа, она могла совершенно спокойно с гордостью раскрыть на всеобщее обозрение общую тетрадь, плотно исписанную ее мелким почерком, и с деловым видом читать записи.

Неспешно шагая, Момоко-сан добросовестно соблюдала толстые, яркие, но невидимые линии разметки дома, и, открыв дверь, ведущую в коридор, поднялась по лестнице. Перед лестницей расположена маленькая площадка. С одной стороны – окно, с другой – стена. На стену приклеен дряхлый календарь, на котором мелко написано: 1975. Календарь повесили почти сразу после того, как они с двумя маленькими детьми переехали в этот дом и тут поселились. Это был период наивысшего расцвета Момоко-сан.

На засаленном календаре изображена многотысячная стая фламинго на берегу водоема; птицы, кажется, вот-вот улетят. Фламинго в первых рядах уже взлетели и пускают лапами отчетливую рябь по водной глади. Второй эшелон уже расправил крылья, готовится подняться, уже отталкивается от воды. Позади еще бесчисленное множество фламинго. Когда Момоко-сан впервые увидела эту картинку, она подумала: а я здесь где? Там, где все ходит на розовую дымку, она еще не слышит звуков крыльев передовых птиц и спокойно копается в иле... Вот там я, наверное, и есть.

И сейчас она небрежно взглянула на календарь и отворила окно. Еще холодноватый мартовский ветерок принес аромат сливы.

У заброшенного дома через три двора и в этом году цветет слива. «Пускай твой хозяин далеко...»⁵ – как условный рефлекс, всплыло в памяти стихотворение. Покачав головой, она оперлась о подоконник локтями и стала смотреть вдаль.

Отсюда она могла окинуть взглядом город, в котором жила. За возделанными полями в тусклом свете низко стелются цепочки гор. Между разбросанными островками леса и домами, высившимися, словно густо насаженная роща, виднелись блики автомагистралей. Если долго ехать по этой дороге, она приведет в родной город Момоко-сан... При случае она была всегда готова разглядывать этот пейзаж. Раз – и сорок лет прошло. Не успела моргнуть – а уже сорок лет. Я сорок лет здесь живу», – раздались со всех сторон невыдержавшие голоса.

Момоко-сан живет в так называемых новых жилых загородных кварталах.

Дома, каждый четко в своей ячейке, выстроились ровными рядами на ступенчатых платформах, напоминающих доску для игры в Го – результат разработки холмистого рельефа этих пригородных территорий. Дом Момоко-сан был не высоко и не низко, примерно в середине. Раньше там, где заканчивался неожиданно крутой спуск, шедший от самого дома, находился супермаркет. Момоко-сан в молодые годы

⁵ Цитата из следующего танка XI в. Сугавара-но Митидзанэ (перевод Веры Марковой):
Пролей аромат, Лишь ветер с востока повеет,
Слива в саду! Пускай твой хозяин далёко,
Не забывай весны!

демонстрировала самые незаурядные способности: садилась на велосипед, разместив сзади и спереди по ребенку, ехала за покупками, потом вешала на каждую ручку пакет с продуктами и на одном дыхании поднимала все это в гору. Могла ли она тогда представить себе свою старость? Могла ли она хоть на мгновение подумать, что будет стариться в одиночестве?

«Ты ничего не знала! – запричитали ворсинки. – Ничего, совсем ничего! Молодость, если сейчас подумать, – это то же, что невежество. Ты все поняла, только испытай на себе. Значит, стареть – это то же, что приобретать опыт, испытывать?» Момоко-сан, которая думала, что стареть – значит терять или терпеть одиночество, эта мысль дает некоторую надежду.

«Так ведь это-то ничаво, хорошо. Сколько бы тебе ни стукнуло, а понимать что-то, осознавать – это ж славно», – говорит тихий голос изнутри.

И тут же на этот голос накладывается другой:

«Так и что, что у тебя впереди-то? Что я хочу понять-то теперича? Что сделать, чтоб мне дали убежать отсюда? Иногда не знаю я совсем, как жить мне».

Слушая ссору ворсинок за спиной, Момоко-сан вглядывалась в вечернее небо за скоростной дорогой. Там, наверное, сейчас сидит бабуля, и она в любой момент может раз – и выскочить.

«Увидишь старших – кланяйся», – говорила она хрипло. Если осанка плохая, привязывала к спине бамбуковую

трость, манеры плохие – ударяла этой тростью по рукам. Сейчас Момоко-сан с тоской вспоминала, как у нее душа тогда уходила в пятки.

Она потянулась, выпрямилась и стала тихонько говорить с промежутком между небом и горами.

«Ба, я здесь. Твоя внучка вот... так вот тут смотрит на закат. Так получилось. И что, так и должно быть?»

«Вышло как вышло, – говорит бабушка, как прежде, широко раскрыв глаза и пристально глядя на Момоко-сан, – и хорошего ничаво нет, да и плохого нету. Как вышло, так оно и есть».

Когда показалось, что она слышит голос, Момоко-сан невольно впала в нежную сентиментальность: словно ребенку четырех-пяти лет, ей захотелось зарыться лицом в передник бабули и зарыдать в голос. Фартук бабушки сладко пах дайконом, высушенным на ковриках под солнцем. Она кое-как поборола желание зарыться в бабушкин фартук. Ей ведь самой столько же лет.

Стыдно, стыдно, смех – да и только.

Она бесконечно стоит тут и смотрит на закат, поэтому и приходят всякие мысли. Момоко-сан с грохотом затворила стеклянное окно. Ей показалось, что комната наполнилась мягким ароматом сливы.

Со вчерашнего дня продолжается ливень.

В доме даже днем темно и нечем заняться. Момоко-сан этому только рада и ничего не делает. Дождь – это тоже хорошо, думает она.

В холодный сезон дождей она не снимала теплую кофту, натягивала рукава до самых ладоней. Сейчас она сложила руки и уже некоторое время сидит, словно приросла к подоконнику, только совершая повторяющиеся движения глазами: вверх-вниз.

Она наблюдает за каплями дождя: без усталости следит, как они ударяются о стекло и, проскальзывая вниз, достигают оконной рамы. Некоторые капли, лишь попав на стекло, тут же отскакивают во все стороны, не оставляя следа, иные собираются в большой сгусток из двух-трех капель и сползают вместе, есть и такие, что защищают до конца свою крепость и, наконец, тихо исчезают, – зрелище неожиданно оказалось до того интересным, что не оторваться. Ворсинки тем временем понизили голос и, войдя во мрак, то хватались за коленку, выглядывавшую из-под юбки, то проползали по животу и, оперев подбородок на руки, болтали ногами, то, положив голову на руки боком, решали поспать, но ничего не пытались сказать. В это время кто-то будто вслух чихнул, и тут же Момоко-сан (настоящая Момоко-сан) начала изда-

вать странные звуки: «А-а-а-а, а-а-а», не похожие ни на чихание, ни на вздох.

Говорила, что не насмотреться, – а все, насмотрелась.

Она освободила руки из рукавов, дохнула на стекло и написала пальцем: «Надоело. Тошно».

«Что тебе надоело?» – послышался голос, и она поспешно дописала один большой иероглиф «дождь».

«Хм, так ты будешь жить дальше?» – вмешался еще один голос.

Момоко-сан, притворившись, что не слышит, продолжает писать: «Тысячелетний дождь».

Оказывается, есть дождь, продолжавшийся тысячу лет.

«Правда, что ли? Когда это?»

«Да четыре с половиной миллиарда лет назад или около того, когда Земля появилась еще только. Тогда поверхность ейная покрыта вязкой магмой была, и тыщу лет, аж тыщу лет дожди лили...

«Это ж как наскучить может, точно опротивеет все! Что, всю тыщу лет, каждый день, прямо без продыху?»

«Так море синее появилось. Да, тогда-то и зародилось оно. У меня тоже тыщалетний дождь имеется».

– Ха! Это еще что?

– Мое море – это...

Момоко-сан, замешкавшись с ответом, начала яростно писать на стекле: «Уже скоро...»

Звонок. От Наоми. Уже скоро она позвонит.

На лице Момоко-сан на мгновение появилось замешательство, но тут же его сменила переполнявшая все ее существо радость.

То, что она, так радовавшаяся звонку дочери, как маленькая, стеснялась и пыталась притворяться равнодушной, было сейчас просто нестерпимо.

Почему же дочь, которая жила так близко, но ни разу ей не позвонила, вдруг... но все равно, как хорошо! Невозможно хорошо!

В тот день она повторяла одно и то же действие: постоянно оглядывалась на телефон и подолгу на него смотрела.

Наоми позвонила в третьем часу.

– Мама, у тебя туалетная бумага есть? – первым делом спросила Наоми. Ее голос был спокоен, в нем слышалась улыбка.

– Да, еще терпит. – Голос Момоко-сан стал неестественно визгливым.

– А моющие средства?

– «Да есть пока. И для стирки, и для кухни.

– А молоко?

– Пачки две не помешают.

– Овощи?

– Есть дайкон и полкочана капусты.

Момоко-сан отвечала стремительно, реагируя немедленно, будто звук ударяется о преграду – и сразу отскакивает. Она хочет уловить мельчайшие интонации голоса дочери, от-

реагировать на них, и это желание все пересилило, вот Момоко-сан и вкладывает огромные усилия в разговор ни о чем.

«Ох, батюшки мои. Как птенец с разинутым клювом, что ждет мать. Все наоборот. Ты, дряхлеющая мать, ждешь корма, который тебе ребенок приносит, мать и ребенок местами поменялись», – засуетились вдруг голоса, высмеивавшие Момоко-сан, но она не обратила на них внимания.

Она не думала, что такой день может наступить. Что она вот так вот сможет говорить с Наоми, на которую уже махнула рукой. Уголки губ невольно поползли вверх. Наоми живет в двадцати минутах езды от нее.

У нее своя семья: муж – учитель рисования в средней школе, они познакомились благодаря общей любви к живописи, и двое детей-младшеклассников: девочка и мальчик.

Когда она отдалилась от Наоми, уехавшей из дома после замужества? Что было поводом, она не может вспомнить. Она думала, что это судьба. Ведь у самой Момоко-сан с ее матерью было так же. Почему так вышло?.. Почему то, что произошло между Момоко-сан и Наоми, как будто точная копия с отношений Момоко-сан с ее матерью?

И вот Наоми приходит в родительский дом со своей дочерью Саякой – это случилось два месяца назад.

Первое, что почувствовала Момоко-сан, было удивление: как же выросла Саяка, смущенно улыбающаяся в прихожей из-за спины Наоми! Она спокойно шла за руку с матерью вслед за радостно приглашавшей их в дом Момоко-сан.

Очень похожа на Наоми в детстве. Та была сознательным ребенком и не доставляла хлопот. Теперь Наоми так ярко сияла, что Момоко-сан не решалась даже взглянуть ей в глаза.

Только перед буддийским алтарем она смогла поднять глаза на ее склоненный профиль и ахнула. Впервые она почувствовала, что дочь стареет. От спины до плеч она как-то сжалась, уменьшилась, и неудивительно – Момоко-сан в уме загнула пальцы – ей ведь за сорок. Течение времени беспощадно. К своей старости Момоко-сан уже привыкла, но старение дочери она видеть не желает. Она прямо не знала, куда девать руки и ноги, не могла найти себе места, как ей хотелось кого-нибудь попросить: ну уж дочку-то мою пожалейте, будьте любезны. С другой стороны, Наоми вот так пришла, да еще внучку Саяку привела, да какую хорошенькую! А она вот так думает о возрасте дочери... Плакать или гордиться этим? Все эти мысли разом переполнили голову Момоко-сан. Наконец она смогла взять себя в руки и принять спокойный вид.

Саяка тем временем освоилась, отошла от матери и стала ходить по комнате, разглядывая вещи. Момоко-сан немного смущалась.

– Как брат, здоров? – спросила она.

– Да, – ответила Саяка, открывая полку с посудой. – Только и делает, что картины рисует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.